

Ночью в винный погреб маленького загородного трактира пробрались двое. Они искали уединения, спасаясь от посторонних глаз.

Прямо над их головами, отделенные лишь тонким деревянным перекрытием, вовсю веселились постояльцы. Наверху кипела ночная жизнь этого тихого уголка: не смолкали смех, пьяные голоса и живая музыка.

А здесь, в полумраке погреба, две тени сплелись в неистовом поцелуе. Прижавшись друг к другу всем телом, мужчины тяжело, прерывисто дышали.

Чжан Шаочи вдруг легко приподнял своего возлюбленного. Наверное, все мужчины, когда у них на душе хорошо, немного впадают в детство — вот и ему вдруг захотелось этого глупого, но такого нежного ребячества. Он усадил Пэй И повыше, на огромную дубовую бочку.

Они молча смотрели друг на друга и улыбались.

Чжан-цзун принялся возиться с ногами Пэй И. Стянув с немалым трудом новенькие туфли, он принялся ласкать изящный изгиб стопы, массировать щиколотку, а потом в шутку потянулся прикусить кожу. В полутьме раздался приглушенный смех. Пэй И, полулежа на бочке, мягко уперся ему в грудь и шутливо оттолкнул мыском:

— Не смей кусаться.

— Строптивец, — хмыкнул Шаочи, шутливо пригрозив ему взглядом. — А ну иди сюда.

Когда Чжан Шаочи коснулся правой щиколотки, Пэй И рефлекторно отдернул ногу. Прижав палец к губам, он многозначительным взглядом намекнул, что подробности этой тайны лучше опустить: туда вшито кое-что лишнее.

«В ногу?!» — Шаочи изумленно покачал головой, не веря своим глазам.

Пэй И послушно кивнул: «Да, именно».

— И сколько еще?.. Сколько всего ты в себя зашил из того, о чем я даже не догадываюсь? — в хриплом голосе мужчины страсть смешалась с щемящей нежностью и болью за любимого. Он прижал Пэй И к бочке и принялся бесцеремонно раздевать, ощупывая каждый сантиметр.

— Про кадык я знаю... — шептал Шаочи, покрывая поцелуями его тело, словно клеймил на память каждую тайную зону. — На ухе тоже... Под ключицей я видел в прошлый раз — там антидот, верно? На правом запястье — антибиотики, да? А под левым что прячешь, ну-ка признавайся?

— Микрочип слежения, — тихо признался Пэй И. На его левое запястье тут же опустился долгий, обжигающий поцелуй.

— На лодыжке... А еще где? — вкрадчиво допытывался Чжан-цзун. — Ну же, говори правду. Где еще зашито то, о чем я не знаю?

Пэй И опустил глаза и, лениво перебирая пальцы любимого, тихо буркнул:

— Больше ничего нет.

— Точно? Совсем ничего? — Чжан Шаочи пристально вглядывался в лицо Пэй И. Тот уходил от прямого ответа, явно пытаясь уклониться от расспросов, и это лишь подливало масла в огонь. Внутри у Шаочи закипал вулкан, готовый вот-вот взорваться.

Ему безумно хотелось вытрясти из него всю правду: «Пока я все эти годы сходил по тебе с ума и шил туфли, чем занимался ты? Что ты делал, пока скучал по мне? Крутил романы у меня за спиной?!»

Пэй И недовольно надул губы:

— К чему все эти расспросы? Брат, ты всегда был таким занудой?

Шаочи, точно лев, прищурившись, оглядел свою аппетитную добычу и властно усмехнулся:

— Чтобы уложить тебя сегодня в постель, мне нужно точно знать, сколько в тебе железок. Я не собираюсь трахать робота, собранного из запчастей.

Пэй И осекся. Ему вдруг стало совсем не до смеха.

Ведь, по сути, так оно и было.

Каждое прощупывание почвы со стороны Шаочи загоняло его в тупик. Сближение, которого они оба так жаждали, заставляло Пэй И чувствовать себя как на иголках. Он понимал: сегодня замять разговор не удастся.

Последние ступени лестницы они преодолели в тесном полуобъятии. Шаочи жадно целовал его, перехватив за бедро, и буквально внес в спальню.

На вдохе Пэй И невольно выдохнул короткое «ох» — его тут же впечатали в стену. Сильные пальцы мужчины обхватили его шею, углубляя поцелуй. Ткань рубашки с треском разошлась, пуговицы со звоном посыпались на пол, обнажая бледную, притягательную грудь.

Их взгляды встретились. Между влажными губами потянулась тонкая нить слюны — привычная, обоюдно желанная грубость ласки. Чжан-цзун жадно прильнул к его губам, слизывая влагу, и заглянул в самые глаза.

Воздух в комнате мгновенно накалился до предела. Наедине друг с другом они не сдерживались: грубые, яростные движения, шорох одежды, высекающий искры статического электричества. Это была не невинная возня в туалете королевского дворца и не «детские игры» в римском кинотеатре. Здесь сошлись двое сильных, истосковавшихся мужчин, готовых к настоящему бою.

Горела лишь настольная лампа в углу, бросая мягкий янтарный свет на обнаженное тело. Блики ложились на рельефную грудь Пэй И, которую Шаочи тут же принялся покрывать горячими, влажными поцелуями, оставляя за собой блестящий след.

Шаочи повидал немало красот на Апеннингах, но зрелище, представшее перед ним сейчас, затмевало любую галерею. В колеблющемся свете мелко подрагивали ресницы Пэй И, его ключицы очерчивали идеальные линии, а на груди соблазнительно темнели две аккуратные коралловые бусины... Всё, что было открыто его взору, и всё, что еще скрывала одежда, превосходило по своей изысканности самые дорогие шедевры мирового искусства.

Чжан Шаочи ласкал это великолепное тело. Многолетние грезы наконец столкнулись с реальностью, сливаясь в единое целое. В его глазах вспыхнул темный, удушливый огонь вожделения, который невозможно было больше сдерживать.

— Малыш, мой сладкий... Ты мой.

В его сердце все еще сидела заноза, растравляя старую рану. Ему до безумия требовалась эта близость — как неопровержимое доказательство того, что их связь нерушима, что Пэй И по-прежнему предан ему душой и телом. Мозолистая ладонь грубо скользнула под пояс брюк Пэй И, собственнически сжав упругую ягодицу, отчего тот рвано, хрипло выдохнул.

Взгляд Пэй И затуманился. Он подался вперед, приоткрыв рот навстречу поцелую, увлекая Шаочи в безумный танец языков. Горячее тело Пэй И дрожало под тяжелыми ладонями мужчины. Пэй обхватил бедром его поясицу, полностью отдаваясь нахлынувшей страсти...

Не разрывая поцелуя, Чжан-цзун вслепую дотянулся до шкафчика в ванной и достал то, что нужно.

Пэй И заметил это движение. Судорожно вздохнув, он прошептал сквозь поцелуй:

— Брат, не надо... не сегодня...

Не слушая его, Чжан-цзун крепко сжал его бедра, прижимая к раковине. Одежда на обоих

была в полном беспорядке. В тесном пространстве ванной комнаты, пропитанном жаром их тел, деваться было некуда — оставалось лишь тонуть во взглядах друг друга, видя собственное отражение в чужих зрачках.

Пэй И с трудом перехватил запястье Шаочи, уводя его руку в сторону, и взмолился:

— Брат, пожалуйста, давай не сегодня. Не надо так.

— А как надо? — выдохнул Шаочи.

— Я выпил лишнего, да и устал дико... Давай просто побудем вместе, — Пэй И обнял его за шею и легонько чмокнул в щеку. Отговорка прозвучала откровенно натянуто.

— Почему нет? — прошептал Шаочи, спускаясь губами к его ключице.

— Хочешь... я возьму в рот?

Красивое лицо Пэй И вспыхнуло румянцем. Привычным жестом он скользнул ладонью к ширинке Шаочи, расстегивая молнию, и начал медленно опускаться на одно колено.

Чжан Шаочи оцепенел. Он молча смотрел на него сверху вниз, и в его глазах сквозь пелену похоти проступило глубокое сомнение. Раскаленный воздух вокруг мешал связно думать.

Но стоило Пэй И коснуться коленями пола, как Шаочи резко рванул его за плечи вверх, заставляя подняться!

В ванной плясали безумные тени. Бушующие эмоции рвались наружу под тусклым светом ламп. Шаочи снова прижал Пэй И к раковине, силой разводя его длинные ноги в стороны. Навалившись всем телом, он заговорил — властно, зло и отчаянно искренне:

— Я хочу тебя, малыш. Я чертовски соскучился. У меня все эти годы никого... никого не было...

Он осекся на полуслове — говорить такое взрослому солидному мужчине казалось унижительным, но обида, копившаяся годами, требовала выхода. В конце концов, любящие люди должны утолять голод друг друга. Это был предел его терпения.

— Я хочу взять тебя. Хочу войти в тебя и трахать до беспамятства.

— Дай мне немного времени, ладно?.. Брат, мне нужно прийти в себя, — Пэй И выглядел измученным и растерянным, в его глазах читалась мольба. Бесконечные погони, перестрелки последних недель и эмоциональные потрясения выжали его до капли. Ему действительно

передышка была жизненно необходима.

— У тебя кто-то есть? — внезапно спросил Чжан-цзун.

— Нет, — тут же покачал головой Пэй И.

— Как давно у тебя никого не было? Когда ты в последний раз спал с женщиной?.. — вкрадчиво шептал Шаочи, щекоча губами его ухо. Наконец этот вопрос сорвался с его губ.

— Никого не было, — тихо, но твердо ответил Пэй И.

— Пять лет? И совсем ни с кем? — хрипло допытывался Шаочи. — То есть все твои заигрывания с посторонними — лишь пустая болтовня? Рисовка?

— У меня никого не было, — Пэй И прямо встретил его взгляд.

Долгие годы разлуки и неизвестности сделали свое дело. К тому же пару дней назад пойманный преступник Лэн Сяо наговорил гадостей, намекая на бурную личную жизнь Пэй И. Эти слова занозой засели в груди Шаочи, лишая покоя. Любой на его месте сгорал бы от ревности и жаждал получить ответ.

Сяо Пэй был безупречен не только в чужих пересудах — для Чжан Шаочи он оставался идеалом. Этот мальчик был его сокровищем, которого он опекал и баловал двадцать лет. Их связь давно переросла обычную привязанность, став нерушимой, проросшей сквозь плоть и кости.

За прошедшие годы Шаочи повидал немало людей, изысканных красавцев и обольстительных женщин, но никто из них не стоил и мизинца этого парня. И эта идеальность лишь усугубляла его внутренний кошмар. Мысль о том, что Пэй И играет с ним, держа на расстоянии, и в один прекрасный день может уйти насовсем, душила его. Исчезновение Пэй И пять лет назад стало самым сокрушительным ударом в его жизни — успешного, уверенного в себе тридцатилетнего мужчины. Это оставило глубокий шрам в его душе. Пять пар обуви, сшитых вручную и спрятанных в погребе, были тому немым доказательством. Такое невозможно забыть за пару месяцев и притвориться, будто ничего не случилось.

На полочке в ванной лежал роскошный ларец, инкрустированный рубинами и изумрудами. В нем хранились изысканные безделушки, которыми, по легенде, ублажали себя Клеопатра и римский император. Чжан-цзун выкупил этот раритет на аукционе специально для своего юного любовника — в качестве дорогой игрушки.

Шаочи приладил к золотому ошейнику и браслетам кожаные ремешки со стальными карабинами — их старое любимое развлечение для остроты чувств.

Пэй И послушно позволил заломить себе локти и запястья. Не оказывая сопротивления, он лишь прерывисто дышал, пока Шаочи затягивал ремешок на его шее, а затем заковывал руки. Тонкая металлическая цепочка соединила браслеты Клеопатры, превратив их в изящные оковы, которые Шаочи закрепил на U-образной трубе смесителя в душевой кабине.

— Брат, я знаю, что совершил глупость, когда ушел от тебя тогда... Не злись, пожалуйста, — Пэй И стоял на коленях на кафельном полу душевой. Его взгляд оставался чистым и ясным. Из-за высоты крепления цепи он мог находиться только в этой позе.

— Посмотри на меня, малыш. Ну же, посмотри мне в глаза, — Шаочи нежно очертил пальцами контур его лица. Он не хотел причинять ему боль — во всем мире лишь Пэй И мог заставить его так терять голову от любви и ревности.

Широкие ладони скользили по разгоряченной коже. Порывистым движением он разорвал остатки рубашки Пэй И и, не давая опомниться, стянул брюки, заставив любимого стоять перед ним на коленях полуобнаженным.

— Ну же, посмотри на меня. Малыш, что с тобой? Почему ты отводишь взгляд? — голос Шаочи, метавшегося словно зверь в клетке, сорвался на хрип. — Посмотри на меня. Тебе ведь тоже тяжело, правда?

— Ты ведь тоже безумно хотел этого! — наконец взорвался он. — Хотел до беспамятства. Посмотри, как ты возбужден!

Эти слова ослепительной молнией ударили по Пэй И, заставив его содрогнуться всем телом. Прошрое, полное жестоких шрамов, слилось воедино, превратившись в безводную, выжженную солнцем пустыню на побережье Красного моря. Как же знакомо это звучало... Два года назад другой мужчина точно так же связал его, давил на него и задавал те же самые вопросы.

Прикованный к трубе, он не мог скрыть предательских реакций своего тела. И пусть перед ним стоял любимый человек, краска жгучего стыда залила его лицо и шею.

Ни профессия, ни стальной характер Пэй И не позволяли ему так унижительно сдаваться под чужим напором. Каждая подобная сцена давалась ему тяжелее, чем курсы выживания и допросы в разведшколе. Он мог выдержать любые пытки врагов, но этот психологический надлом лишал его всяких сил.

Для кадрового оперативника это было позорное фиаско, но он не мог открыть правду тому, кого любил больше жизни.

Он был просто мужчиной из плоти и крови, со своими естественными физиологическими потребностями, и не мог совладать с врожденными слабостями тела.

Пэй И попытался свести колени, чтобы спрятать свою наготу, но Шаочи бесцеремонно раздвинул его ноги носком туфли:

— Зачем прячешься? Думаешь, я там чего-то не видел?

Сквозь тонкую ткань белья отчетливо проступали очертания напряженного члена. Несмотря на грубость Шаочи, тело Пэй И откликнулось яростным, неконтролируемым возбуждением — его истинным, неосознанным желанием.

Оказавшись в ловушке собственных чувств, он не выдержал, и из его глаз брызнули слезы. Пэй И умоляюще посмотрел на него:

— Брат, я не хочу делать тебе больно. Давай ненадолго разойдемся? Мне нужно время... Пожалуйста, возвращайся пока в Китай.

— И на сколько ты хочешь расстаться? — Шаочи крепко обхватил его лицо ладонями. — Еще на пять лет?!

— Объясни мне, почему? Дай мне хоть один внятный ответ! — у Шаочи покраснели глаза. Он опустил перед ним на корточки, зарываясь пальцами в его волосы и вглядываясь в заплаканное лицо. Он до сих пор не мог понять, почему его бросили пять лет назад. — Ты ведь любишь меня, я знаю! Так почему ты бежишь от меня? Почему не хочешь жить как нормальные люди?!

«...»

Подозрения вперемишку с глухой обидой лишили Чжан Шаочи привычного хладнокровия. Прямой отказ в близости больно ударил по его мужскому самолюбию. Вот только такая вспышка гнева была обоюдоострым оружием: рана Пэй И, он причинял себе втрое больше боли.

Он никогда не умел красиво говорить и изливать душу — нежные слова казались ему глупыми и неуместными. Гордость не позволяла ему унижаться перед молодым любовником, выпрашивая ласку, словно подаяние за пять лет одиночества.

Любовь либо есть, либо ее нет. Насильно мил не будешь.

Похоже, безделушки Клеопатры приносили лишь несчастья. Эта женщина еще тысячи лет назад погубила римского императора, и сегодня ее роскошный дар не помог вернуть былую гармонию.

Разумеется, как бы ни бушевал Чжан-цзун, он никогда бы не опустился до насилия.

Он терпеть не мог бурных семейных сцен со взаимными упреками. Мужчина должен держать лицо. К чему эти крики? Царапаться, как мартовские коты?

Близость между двумя мужчинами прекрасна лишь тогда, когда она желанна для обоих. В глубине души он оставался консерватором: соитие без любви для него было не более чем животным спариванием.

Когда злость брала верх, он просто уходил, стараясь выпустить пар на стороне. Он мог ввязаться в драку с кем угодно, но никогда бы не поднял руку на своего мальчику, которого вырастил сам.

Чжан-цзун принялся застегивать пиджак. При тусклом свете лампы было видно, как вокруг его глаз проступили темные пятна усталости и гнева.

— Я не стану тебя принуждать. Не хочешь — не надо. Если когда-нибудь наиграешься, устанешь от меня и захочешь найти кого-то помоложе, просто скажи... Впрочем, можешь даже не утруждать себя объяснениями. Исчезни молча, как пять лет назад. Сваливай, когда захочешь.

С этими словами Чжан Шаочи, сверкнув покрасневшими глазами, развернулся и вышел из ванной.

У Пэй И перехватило дыхание. Он хотел крикнуть вслед, остановить его, заверить, что никуда не собирается уходить, но из горла вырвался лишь глухой стон.

Как бы они оба ни пытались это отрицать, ядовитые намеки Лэн Сяо все же отравили разум Шаочи. Ложь, брошенная в лицо, всегда оставляет след — не зря говорят, что грязь легко прилипает.

Около двух часов Чжан Шаочи просидел на террасе гостиничного кафе. Он пил в одиночестве крепкий алкоголь, одну за другой выкуривая сигареты, пока ярость внутри постепенно не улеглась.

За годы общения с Пэй И его нервная система закалилась до предела, но сегодня он все же сорвался, позабыв о гордости. А всё потому, что он слишком сильно любил этого парня, слишком долго ждал этой встречи и безумно хотел вернуть все назад.

Немного успокоившись и решив, что Пэй И, должно быть, уже ушел к себе, Чжан-цзун поднялся в номер.

Он тихо отпер дверь и заглянул в ванную. Увиденное заставило его замереть на пороге, лишив дара речи.

Пэй И по-прежнему висел на цепочке, пристегнутый к смесителю в душевой кабине.

Он так и стоял на коленях на мокром кафеле, бессильно повиснув на цепи. Из неплотно закрытого крана мерно капала вода. Пэй И мелко дрожал от холода, но был в полном сознании. Длинные ресницы бросали густые тени на бледные щеки, уголки глаз повлажнели, а на искусанной нижней губе выступили капельки крови.

Он упрямо продолжал стоять на коленях, покорно принимая это наказание. На его груди все еще алели следы от пальцев Шаочи.

У людей с такой нежной белой кожей шрамы остаются на всю жизнь. Лишь сейчас Шаочи заметил на теле Пэй И — подмышками, на боках, на бедрах — старые отметины от пуль и ножевых ранений. Со временем они побледнели, слившись с кожей, и в полумраке были почти не видны.

Но приглядевшись, он понял, что перед ним тело человека, прошедшего через ад.

У Шаочи перехватило дыхание. Он рванулся вперед и торопливо расстегнул замки, чувствуя, как сердце сжимается от невыносимой боли.

— Хватит... Вставай, — хрипло выговорил он, помогая ему подняться. — Малыш, вставай же.

Пэй И разжал зубы, отпуская окровавленную губу, и посмотрел на него с глубокой грустью и упрямством:

— Если это поможет тебе успокоиться, я готов стоять так хоть всю ночь.

В его взгляде сквозь обиду сквозила отчаянная надежда:

— Ты больше не сердись, брат? Простишь меня?

«...»

Каждое слово Пэй И ранило его прямо в сердце. Он ведь прекрасно знал, на что способен этот парень: для него освободиться от таких оков — секундное дело. Пэй И мог сбежать в любой момент, как сделал это на лайнере «Призрак Струнной Музыки». Разве могли эти глупые побрякушки удержать командира оперативной группы?

Шаочи был уверен, что застанет пустой номер, возможно, даже разгромленный в порыве гнева.

Он бережно поднял Пэй И с пола и крепко прижал к себе. Тот уткнулся лицом ему в плечо и тихо зашептал:

— Брат, умоляю, не уходи больше так... Не бросай меня...

Его влажные, чистые глаза были полны такой беззащитности, словно у олененка, потерявшегося в глухой чаще. Против этого взгляда у Шаочи не было оружия. Его сердце дрогнуло, наполнившись раскаянием и щемящей нежностью.

Сам заварил эту кашу — самому и расхлебывать. Всю оставшуюся ночь Чжан-цзун не выпускал Пэй И из объятий, бережно гладил его по волосам, безмолвно вымаливая прощение.

Ссоры любящих людей всегда одинаковы. Пытаясь выяснить, кто кому дороже, они лишь сильнее ранят друг друга, а потом сами же страдают от этого.

Да и какая разница, из-за чего они повздорили пару часов назад? Кому сдалась эта глупая ссора, когда рядом живой, теплый человек?

— Брат, — негромко позвал Пэй И в темноте. — Я никогда не предаю свой долг и веру. Пожалуйста, верь мне.

— Ладно, — деланно великодушно буркнул Шаочи. — Забудем. Что было, то прошло.

— За все эти годы я пересмотрел всех оперативников в Шестом специальном отделе — и старых, и молодых. Ни один из них даже близко не стоял с моим Шаочи. Так тебя устроит? — обиженно проворчал Пэй И. Слова о «прощении» задели его за живое — звучало так, словно его поймали на измене, а Шаочи великодушно закрыл на это глаза. Хотя он был чист перед ним. В груди вскипала глухая досада. Ну ничего, он еще отыграется. Он докопается до сути в деле Лэн Сяо и вывернет наизнанку всю подноготную этих мутных братьев.

Шаочи лишь фыркнул. Что ж, сам виноват — попался под горячую лапу своей дикой кошке. Считай, отделался легкими царапинами.

Выплеснув гнев, он успокоился. Любовь перевесила обиду. Да и в конце концов, даже если за эти одинокие годы у Пэй И и случались мимолетные интрижки — они ведь оба мужчины. Он же не вернулся беременным, заставляя его признавать чужого ребенка. Не велика беда.

Он крепче прижал его к себе, наслаждаясь моментом. Главное — они вместе здесь и сейчас, а впереди у них еще много лет. Когда улягутся все бури, они обязательно обретут свой покой.

Утром Пэй И выбрался из-под теплого одеяла. Из крохотной кухни доносились умопомрачительные запахи.

Сыр, бекон, томатный соус и оливковое масло — визитная карточка «завтрака от Чжана», фирменные блинчики с яйцом.

Если этот магнат когда-нибудь разорится, он вполне сможет открыть закусочную у ворот Дианьмэнь и без труда прокормить семью, себя и кота.

И Пэй, и Шаочи обладали удивительной способностью: проснувшись утром, они вели себя так, словно вчера ничего не произошло. Сказывался богатый опыт прошлых размолвок — милые бранятся, только тешатся. Утро вечера мудренее, и неважно, чем закончилась ночь.

Следы ночной бури сошли с лица Пэй И. Он смотрел на широкую спину мужчины, возившегося у плиты, и чувствовал, как в груди разливается тепло, смешанное с легким уколом совести.

Колени немного ныли после долгого стояния на кафеле, и Пэй И принялся лениво растирать их под одеялом. Ночью этот грозный мужчина долго и заботливо втирал ему в кожу крем, массируя уставшие ноги. Зануда, право слово.

Шаочи подошел к постели и небрежно бросил на одеяло красивую коробку:

— Это тебе.

— Что там?

— Белье. Новое.

— Зачем ты купил мне белье? — Пэй И не удержался от улыбки.

Чжан-цзун, разумеется, считал, что Пэй И во время своих секретных миссий совершенно не заботится о быте и даже не успевает сменить одежду. Ему просто необходима забота старшего! «Ты ведь не сможешь без меня, правда? Твой дядя тебе очень нужен, ты никуда от меня не денешься».

— А что, мне уже нельзя сделать тебе подарок? — с напускной строгостью ответил Шаочи. — Отныне будешь носить только то, что покупаю я.

Пэй И спорить не стал — послушно кивнул и тут же принялся переодеваться.

Белье оказалось самым обычным, хлопковым, без всяких пошлых шуточек вроде вырезов или

бантиков. Обычные качественные вещи из органического хлопка. Приятная забота.

Натягивая чистую майку, Пэй И тихо посмеивался. Он прекрасно все понимал.

Шаочи сначала пытался держать суровое выражение лица, но в конце концов тоже не выдержал и улыбнулся.

— Признайся, ты рассчитывал, что мы устроим тут бурные ласки и разнесем всю постель? Думал, изорвешь мою одежду в клочья, поэтому и приготовил сменную? — Пэй И безжалостно сдал его замыслы и сам же покотился со смеху на кровати.

В этом и заключалась прелесть двадцати лет знакомства — они знали друг друга до мельчайших деталей.

«...»

Шаочи лишился дара речи. Впервые за долгое время у него даже покраснели уши от смущения. Напустив на себя обиженный вид, он проворчал:

— Хм. Зря только старался.

— Прости уж своего непутевого племянника, Второй дядя, — Пэй И сощурился, точно хитрый кот. Слова звучали виновато, но на лице было написано откровенное лукавство.

Они обменялись долгими, тяжелыми взглядами, мысленно раздевая друг друга. В этих глазах и судорожном движении кадыков читалась вся нерастраченная страсть.

Пэй И, уже в чистом белье, подполз по кровати поближе и нежно прижался губами к его пояснице:

— Брат.

Чжан-цзун усмехнулся и ласково шлепнул его по бедру.

Наступил мир. Ночная буря улеглась, и больше никто из них не проронит об этом ни слова.

<http://bllate.org/book/19434/1999030>